

ПРЕЗИРАТЬ И ПОДСКАЗЫВАТЬ: ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ И КОНТР-ЭКСПЕРТИЗА

Шевченко Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: simurg87@list.ru

В статье рассматриваются формы эпистемической несправедливости, связанные со сциентизацией экспертизы, ее замыканием в рамках отдельной научной дисциплины. Лишение права высказываться о собственных интересах, против которого направлена контр-экспертиза, – наиболее распространенная форма несправедливости. А наиболее радикальная связана с восприятием феноменального опыта другого как производной от параметров, измеренных в рамках экспертных процедур. В этой связи концепция телесности может играть решающую роль как в предотвращении эпистемической несправедливости, так и в преодолении кризиса экспертизы.

Ключевые слова: «минимальная телесность», контр-экспертиза, знание-свидетельство, дериватизация другого, Г. Коллинз

INCLINE AND ADMONISH: EPISTEMIC INJUSTICE AND COUNTER-EXPERTISE

Sergei Yu. Shevchenko – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: simurg87@list.ru

The article deals with the forms of epistemic injustice associated with the scientization of expertise, its locking in a separate scientific discipline. Counter-expertise is directed against deprivation of the right to speak out about one's own interests which is the most common form of epistemic injustice. But the most radical form is related to the comprehension of other's phenomenal experience as a derivative of the parameters measured by expert. In this regard, the concept of embodiment can play a crucial role both in preventing epistemic injustice and in overcoming the crisis of expertise.

Keywords: 'minimal embodiment', counter-expertise, counter-knowledge, derivatization of the other, H. Collins

Введение. «Смерть экспертизы»

Словосочетание «смерть экспертизы» в последние годы почти превратилось в штамп публичной речи ученых. Но разговоры о «девальвации экспертного знания» создают впечатление, что проблема заключается лишь в степени знакомства с научными фактами. Антипрививочники, отрицающие профилактический эффект прививок, не понимают данных медицинской статистики, а сторонники теории плоской Земли отказываются верить астрономам: но могут ли эти примеры описать все многообразие выступлений против экспертов, принадлежащих к авторитетным институтам?

Зачастую такие выступления против вызваны именно излишней сциентизацией, замыканием экспертной деятельности на некотором фрагменте дисциплинарного знания, без ее привязки к интересам людей, на которые повлияют итоги этой деятельности. Такое лишение права голоса в публичной дискуссии воспринимается как несправедливость, но еще более острую реакцию вызывает отказ в возможности свидетельствовать о своем феноменальном опыте.

Ниже мы попытаемся решить две основные задачи: во-первых, рассмотреть, какие формы несправедливости в отношении агента как источника знания (эпистемической несправедливости) возможны в рамках экспертизы. А во-вторых, показать, что более радикальная форма такой несправедливости предполагает игнорирование человеческой телесности как условия или источника феноменального опыта. В итоге мы постараемся обосновать тезис, согласно которому экспертные практики¹, отбрасывающие тело как источник «всего лишь субъективного», более несправедливы, чем отбирающие право публичной речи.

Контр-экспертиза

Попытки объяснить движения против институциональной экспертизы постоянно предпринимаются в рамках социальных исследований науки и технологии (STS). Недавно предложенная обобщенная

¹ В свете задач настоящей статьи не представляется возможным дать нормативное определение экспертизы, так как это означало бы в самом начале обозначить условия ее «правильности». Функция этого термина в тексте – задать поле социальных практик, в рамках которого будут изучены формы эпистемической несправедливости. Под экспертизой мы понимаем деятельность агентов с институционально подтвержденным эпистемическим авторитетом, которая предполагает производство высказываний, ориентированных на принятие практических решений (экономических, политических и т.д.). При этом мы исходим из того, что изначально не известно, ориентирована ли эта деятельность на «истину» или «справедливость».

модель кризиса экспертизы строится на метафоре двухфазного двигателя, накапливающего потенциальную энергию через рост престижа научного знания, сциентизацию политики и расходующего ее через муссирование ошибок экспертов, раскрытие их ангажированности, политизацию науки [Eyal, 2019].

Исследования отдельных проявлений кризиса экспертизы сконцентрированы на конкретных социальных практиках, создающих противовес институциональной экспертизе. В то время как последняя занята производством суждений, претендующих на объективность и универсальность, ее созданные «снизу» соперники открыто опираются на «локальное знание», связанное с практиками и интересами определенного сообщества.

Осенью 2019 г. вышел номер известного журнала *Science as Culture*, посвященный контр-экспертизе и ее роли в достижении социальной справедливости. Картина, которую рисуют редакторы номера, также довольно проста. Ученые и другие люди, чей эпистемический авторитет институционально подтвержден, как правило, заняты укреплением границ между экспертным и профанным. Они играют «непропорционально большую роль в формировании социальных образов технологий». Контр-эксперты, чей статус легитимирован «снизу», напротив, размывают эти границы, делая голос маргинализированных сообществ слышимым, а сказанное им – предметом серьезного публичного обсуждения [Williams, Moore, 2019, p. 258–259]. При этом контр-экспертом может стать любой человек вне зависимости наличия у него институционального статуса – диплома, академической или административной должности. Например, экологические активисты, живущие в окрестностях Фукусимы, выстраивают собственную систему мониторинга радиационного фона, потому что правительственная уже один раз сработала недостаточно эффективно. Сообщества, живущие в неблагополучных районах приходящего в упадок Детройта, пытаются показать, что эти районы превращаются в «продовольственную пустыню», где можно купить только продукты с длительным сроком хранения, а не свежие овощи. При этом крупные компании, господствующие на рынке, не заинтересованы в решении продовольственной проблемы, что сказывается на качестве жизни и здоровье жителей данных районов [ibid., p. 264]. Схожим образом владельцы небольших ферм не соглашались с экспертными заключениями, согласно которым лишь крупные животноводческие хозяйства способны недопустить распространения птичьего гриппа [ibid., p. 252].

Этих фермеров не стоит сравнивать с ВИЧ-диссидентами, отрицающими, что такой вирус существует и что он опасен для человека. Контр-эксперты во всех трех примерах спорили со способами получения экспертного знания, с методами его «привязки» к локальным особенностям и интересам отдельного сообщества. Они не отрицали

опасность радиации, существование вируса птичьего гриппа и не проводили переоценку пользы разнообразного рациона. Можно сказать, что антипрививочники и ВИЧ-диссиденты спорят о научных фактах, а контр-эксперты – о методах получения и интерпретации научного знания. Их интересует в первую очередь, как задаются и измеряются объекты науки. Но возможен и вопрос о том, зачем заданы и определенным образом измерены именно эти объекты. Порожденные этим вопросом споры о ценностях научного знания, транслируемого экспертом, могут обладать особенно радикальным характером. В таких случаях возможны ситуации, в которых ориентированные на «как?», а не на «зачем?» практики контр-экспертизы оказываются недостаточно действенными или вообще бьют мимо цели.

Осенью 2019 г. в одном из интернет-сообществ появились жалобы нескольких пользователей на запах нечистот в Саранске². Пользователь, на странице которого указано, что он представляет в соцсетях одно из региональных ведомств, ответил, что порог чувствительности человеческого обоняния может быть ниже предельно допустимой концентрации вещества. Эти пороговые значения не превышены, а «достоверными можно считать только данные, полученные с помощью приборов». Судя по комментариям, участники обсуждения восприняли это заявление как синонимичное с утверждениями «Ваше сообщение о том, что вы испытываете неприятный запах, недостоверно» и «Наши приборы дают нам доступ к достоверному знанию о том, какой запах вы чувствуете». Собственно, в жалобах не было высказано предположение о том, что ощущаемый неприятный запах означает угрозу здоровью, опровергать которые, опираясь на нормативы, вероятно, было бы более уместно. Участники обсуждения не сомневались и в точности приборов, благодаря которым оценивается содержание в воздухе потенциально опасных веществ. Думаю, большинство из них согласились бы, что знание о составе воздуха может быть ценным, поскольку оно позволяет предсказать и предотвратить снижение качества жизни в будущем, вызванное воздействием вредных веществ. Но если качество жизни снижено уже сейчас – нет смысла опровергать этот факт ссылкой на точность технологий. Нельзя требовать от пациента с хронической болью перестать обращаться за медицинской помощью, если МРТ не выявила никаких патологий.

---

² См. запись и комментарии в социальной сети «ВКонтакте» https://vk.com/gumino?w=wall-123002442_25298 (дата обращения: 28.02.2020).

Эпистемическая несправедливость и разоблачение фальсификаций

Контр-экспертиза, позволяющая звучать голосам маргинализированных групп, пытается противостоять замалчиванию как определенному способу осуществления эпистемической несправедливости. Проводя разграничение экспертного и профанного, институты способны идентифицировать автора интересующего их высказывания как находящегося по ту или иную сторону границы. Утверждается, что некто не обладает специальным знанием, компетенциями для построения системы мониторинга радиационного фона и интерпретации данных, полученной этой системой. Значит, ему необходимо замолчать. Примерно так работает «несправедливость в отношении знания-свидетельства» (testimonial injustice), по версии английского философа Миранды Фрикер, предложившей этот термин [Fricker, 2009]. Контр-экспертиза борется с такой несправедливостью отбирает монополию на власть определять, кто эксперт, а кто нет (identity power) и размывает выстроенные границы.

Однако это не единственный вид эпистемической несправедливости. Возможно не только отгородится от свидетельства завесой молчания, но и произвольно вкладывать свои слова в чужие уста [Steers-McCrum, 2019]. При этом необязательно искажать сказанное кем-то в собственных интересах, достаточно самозванно говорить от имени кого-то, придавая собственным заявлениям экспертный авторитет. Люди, говорят, каково это дышать данным воздухом, но приборы открывают путь к более достоверному знанию. Популярность следующей шутки хотя бы косвенно подтверждает, что второй вид эпистемической несправедливости также актуален, как и первый.

- Эксперты говорят, что жизнь людей в минувшем году улучшилась.
- Но люди говорят, что ухудшилась.
- Да, но они же не эксперты.

Кажется, что «замалчивание» выглядит необходимым условием «говoreния вместо», но эти виды эпистемической несправедливости могут быть описаны как противоположные. Наиболее четко их различия видны в отношении к телесности и феноменальному опыту как к возможному источнику и знания-свидетельства. Чем сильнее они игнорируются, чем «минимальней» понимается телесность, тем сложнее раскрыть фальсификации, связанные с произвольным «говoreнием вместо». В то же время для замалчивания, как оно понимается в рамках контр-экспертизы, телесность не обладает столь явным и решающим значением.

Эти различия форм эпистемической несправедливости четко проявляются в ситуации, когда чей-либо статус как источника знания-

свидетельства подвергается сомнению, а доступ к публичной речи крайне ограничен или находится в зависимости от сторонних агентов. Максимумом оба эти условия достигают, когда свидетельствующий находится в состоянии «запертого человека» [Vidal, 2018]³. В этом состоянии – довольно редком – человек находится в ясном сознании, его органы чувств нормально функционируют, но все мышцы тела парализованы, произвольно могут двигаться лишь глаза и веки. Именно движения век и являются каналом коммуникации, они предоставляют способ выражения согласия и несогласия, но также артикуляции более сложных высказываний – вплоть до написания биографических текстов. Последние пишутся также через применение двоичного кода движений век: «запертому человеку» перечисляется набор букв, на ту, которая необходима в написании слова, он отвечает согласием, остальные отвергает [ibid, p. 5]. Синдром «запертого человека» можно считать моделью «минимальной телесности», как ее понимает Гарри Коллинз. В таком состоянии индивид обладает минимальной способностью участвовать в коммуникации и воспринимать речь других [Collins, 2010, p. 137]. Несмотря на эту способность «запертого человека» суд в Испании счел возможным лишить его голоса. Это решение было мотивировано тем, что невозможно отделить выражение воли этого человека от ее интерпретации тем, кто считывает движение его век и ставит знак в бюллетене [Vidal, 2018, p. 16]. Индивидуальная телесность определяется «коллективной телесностью» [Collins, 2010, p. 137; Столярова, 2018] и через коллективную телесность: способен ли «запертый человек» голосовать, решается судом; а то, как он проголосует, – интерпретатором. Преодолевая замалчивание, мы сталкиваемся с господством «свидетельствующего от лица другого», вкладывающего свои слова в чужие уста. Борясь с последним, мы погружаем индивида в пучину молчания. Но существуют ли способы установить фальсификацию со стороны интерпретатора, если он является единственным связующим звеном с «запертым человеком», но при этом изменяет его ответы, следуя определенным правилам? Можем ли мы установить, что «запертый человек» чувствует неприятный запах, даже если свидетельствующим от его лица заявлено обратное?

Представим, что от лица «запертого человека» высказывается устройство, изменяющие все его утверждения, сделанные благодаря движениям век, на противоположные. Если рассмотреть только простейшие ситуации, в которых от «запертого человека» требуются

³ Точное медицинское название состояния, пребывание в котором мы описываем, – «синдром запертого человека», наиболее распространенной его причиной является инсульт. В дальнейшем для простоты мы будем называть находящегося в таком состоянии «запертым человеком».

только утвердительные или отрицательные ответы, – довольно скоро мы все же научимся отличать, какие высказывания запертый человек считает истинными, а какие нет. Такое различие – первый этап радикальной интерпретации по Д. Дэвидсону [Davidson, 1973], пути к пониманию абсолютно незнакомого нам языка. В данном случае язык кажется знакомым, но довольно скоро заметны станут аномалии: «запертый человек» путает очевидные факты о себе, своей прошлой жизни и т.д. Однако мы можем совсем не заметить ничего странного: «запертый человек» первым поймет принцип, по которому работает устройство, фальсифицирующее его высказывание, и просто поменяет движение, значащее «да», на движение, значащее «нет». Проблема останется в системе коммуникации «запертого человека» и машины-интерпретатора. Для машины Тьюринга, инвертирующей программу, просто будет заменена «лента» команд «запертого человека» (ноли будут изменены на единицы и наоборот). При этом сама система человека и машины интерпретатора пройдет тест Тьюринга либо мы, собеседники «запертого человека», скоро заметим неисправность самой машины.

Но представим, что инвертируются не всякое утверждение или отрицание, сделанные «запертым человеком», а только те, что касаются оценок его феноменального опыта. То есть на вопрос, видит ли «запертый человек» яркий свет лампы, будет дан утвердительный ответ, если свет действительно зажжен. Но если спросить, раздражает ли этот свет глаза, прозвучит отрицательный ответ, если наш «запертый» собеседник действительно испытывает дискомфорт. В таком случае для раскрытия фальсификации нам понадобится иной компонент радикальной интерпретации – «принцип милосердия». Его суть понятна на примере: когда идет дождь, носители немецкого языка соглашаются с утверждением «Es regnet». Согласно принципу, мы предполагаем, что они достаточно разумны и воспринимают мир в достаточно схожей с нами манере, чтобы эта фраза не употреблялась в значении «на небе нет ни облачка».

В ситуации с аппаратом-фальсификатором, вкладывающим собственные оценки происходящего в уста нашего собеседника, мы также должны предположить, что собеседник во многих случаях оценивает неприятные нам раздражители, как и мы. Устройство может солгать о его непосредственно высказанной оценке, но гораздо сложнее было бы «обучить» его фальсифицировать производство метафор или шуток. Допустим, «запертый человек» рисует подробную картину, сравнивая мелодию с рассветом над рекой, а затем категорично заявляет (через интерпретирующее устройство), что эта музыка отвратительна. В такой ситуации мы скорее заподозрим устройство в поломке или в строго запрограммированных искажениях свидетельств «запертого человека», чем обвиним последнего в утрате связности рассуждений.

Насколько минимальна минимальная телесность?

Итак, употребление метафор может подойти для разоблачения фальсификаций оценочного измерения феноменального опыта. Для этого необязательно признавать, что метафоры обладают двойным семантическим дном: прямым и переносным значениями. С таким пониманием метафоры не был согласен и Дэвидсон, автор концепции радикальной интерпретации. Он делал акцент не на значении метафоры, раскрывать которое можно бесконечно, а на способе ее употребления. При этом прагматика метафоры, ее функциональная ценность, зависит от природы интерпретатора в не меньшей степени, чем от контекста высказывания. Под «природой» необязательно понимать полное анатомо-физиологическое сходство участников коммуникации, достаточно, чтобы оба предполагали, какие аспекты физической реальности доступны каждому для восприятия, а также имели в виду наличие у собеседника поля собственных оценок (или значений) феноменального опыта. Мужчина акушер-гинеколог может понять ощущения роженицы, хотя не обладает тождественной с ней анатомией.

Дискуссия Коллинза с феноменологически ориентированным философом Х. Дрейфуйсом о роли телесности в социальных взаимодействиях также строится вокруг экспериментов с фальсифицированной коммуникацией. Коллинз называет эти эмпирически проведенные эксперименты имитационными играми или тестом Тьюринга для людей. В рамках таких тестов проверялась способность самого Коллинза выдавать себя за эксперта-физика в рамках коммуникации. Также оценивалась успешность, с которой люди с дальтонизмом в рамках общения притворялись не имеющими патологий зрения. Им это удавалось во много раз лучше, чем в обратном эксперименте люди без патологий имитировали дальтонизм. Дальтоники гораздо в большей степени вовлечены в коллективную телесность людей, различающих цвета, чем наоборот, поэтому, заключает Коллинз, индивидуальное тело почти не имеет значения [Collins, 2017]. Дрейфус же, обсуждая классический тест Тьюринга, в котором компьютер должен успешно выдавать себя за человека, напротив, говорит, что телесность в этой связи имеет первостепенную значимость. Именно тело позволяет верно определить адекватный контекст высказывания [Dreyfus, 1967]. Например, устройство с искусственным интеллектом способно при написании рассказа в нужном месте употребить фразу «жарко, как в бане», но неспособно сделать это в разговоре, поскольку не чувствует температуры.

Коллинз соглашается, что распознавание контекста высказывания важно. Тем не менее в большинстве случаев высказывающийся оценивает его, паразитируя на коллективной телесности, поэтому так

легко преодолеть дальтонизм и притвориться человеком без патологии. Соответственно в рамках интеракционной (взаимодействующей) экспертизы высказывающийся может быть способен на адекватное практическое суждение, даже не имея соответствующего телесного опыта (обосновывающего высказывание) [Collins, 2017, p. 138]. Действительно, существует много способов распознавания контекста вне телесного опыта, да и адекватное экспертное суждение возможно без него – вспомним пример с мужчиной акушером-гинекологом. Но минимального индивидуального тела, которому, согласно Коллинзу, мы можем приписать только способность воспринимать речь и производить высказывания, для экспертизы недостаточно. Эксперт из примера с неприятным запахом обладает минимальной телесностью и погружен в коммуникативное поле технических специалистов. Однако его высказывания не признаются как экспертные – и вполне обоснованно. Для участия в экспертизе необходимо признание определенных аспектов физического мира доступными для восприятия, а самое главное – для оценки, достаточным источником которой служит сам индивид, его «жизненный мир». Эти минимальные характеристики индивидуальной телесности тождественны тем, что необходимы для выявления несправедливости в отношении знания-свидетельства (фальсификации высказываний «запертого человека») и для участия в коммуникации, строящейся вокруг метафор.

Антиэкспертиза

Телесные практики, служащие наблюдаемым коррелятом феноменального, активно изучаются в рамках экспертизы технологий. Можно согласиться с лидером этого направления STS Доном Айди в понимании тела как непременно уже освоенного культурой, вовлеченного во взаимоотношения с технологическими артефактами [Ihde, 2010]. В этом смысле проблематично говорить о технологической «колонизации» тела, поскольку невозможно четко реконструировать состояние, предшествовавшее такой колонизации. Но метафизическая первичность или «непосредственная данность» чистой телесности, не подверженной социальным влияниям, вовсе не является частью излагаемой в этой статье аргументации. Для того чтобы преодолеть эпистемическую несправедливость в форме «говорения вместо» необходимо (но недостаточно) признать, что телесный опыт нередуцируем ни к наблюдаемым коммуникативным практикам, ни к измеримым физическим параметрам. Телесный опыт другого фигурирует как неизвестное в уравнении, описывающем его благополучие. И сам обладающий телесностью субъект является наиболее релевантным источником знания об этом опыте. Вероятно, телесный

опыт не может быть выражен и понят исчерпывающим образом, но «принцип милосердия» и истолкование метафор обозначают путь к интерпретации высказываний о нем. Эти интерпретации как раз таки могут уточняться в рамках взаимодействия эксперта и тех людей, которых касается транслируемое им экспертное знание. Важно лишь понимать, что феноменальный опыт другого никогда до конца не явлен, и телесность может стать источником неожиданного знания – такого, о котором молчат и приборы, и публичная речь. Наибольшее значение для качества экспертизы и соблюдения эпистемической справедливости эта «не минимальная» телесность приобретает тогда, когда отрицается в этом качестве.

Действительно, во многих случаях можно признать вслед за Коллинзом, что «тело гораздо менее важно, если оно принадлежит индивиду» [Collins, 2017, p. 136]. Тело может быть не важно, именно пока оно принадлежит индивиду. Индивид сам осуществляет власть над собственным телом, и в этом заключается мягкость биополитического управления. Когда же дело доходит до более жестких дисциплинарных практик (анатомо-политики), тело перестает принадлежать индивиду и становится производным от внешних сил [Попова, 2016]. Тело узника концлагеря не всегда остается даже объектом, так как оно не имеет возможности засвидетельствовать нечто как объект, оно становится дериватом – производным от коллективной воли надзирателей, администрации лагеря, государственной власти. В этом смысле дериватизацию можно понимать как наиболее радикальную форму несправедливости в отношении знания-свидетельства [Cusick, 2019]. Разумеется, даже самая неадекватная экспертиза не может приблизиться в бесчеловечности к концлагерю, но в эпистемологическом измерении она способна обрести сходства с жесткими дисциплинарными практиками. Она может «презирать и подсказывать», доводя замалчивание и «говорение вместо» до той черты, где феноменальный опыт человека становится просто производной от показателей приборов.

В таком случае двухфазный двигатель накопления авторитета экспертизы и вскрытия ее ангажированности может «пойти вразнос». В такие моменты контр-экспертиза как практика репрезентации локального знания в существующем коммуникативном контексте уже не способна решить проблему. Более радикальное движение, которое можно назвать «антиэкспертизой», способно вернуться назад, к феноменальному опыту и его оценкам, и начать заново собирать риторические аппараты экспертизы на основе повседневно употребляемого естественного языка.

Итак, замалчивание и дериватизация другого (свидетельствование от его лица) представляют собой хотя и не взаимоисключающие, но разные формы эпистемической несправедливости, которые проявляются на различной «глубине» конфликтов, связанных с экспертизой.

Простое распространение научных знаний эффективно только при отсутствии эпистемической несправедливости со стороны официальной науки. При этом прямое отстаивание ее авторитета позволяет преодолеть кризис экспертизы только в случае спора о фактах (например, с ВИЧ-диссидентами). Если возникает несогласие с тем, как именно произведена экспертная оценка, – в дело вступает «локальное знание» (по мнению контр-экспертов, биобезопасность мелких ферм и качество жизни некоторых сообществ в Детройте были измерены неправильно). Институциональные эксперты в этих случаях применяли стратегию замалчивания иных оценок. Но возможны ситуации, в которых институциональная экспертиза не видит возможности иных свидетельств, кроме производных от зафиксированных ею «объективных» состояний. Происходящая дериватизация телесности высказывающего порождает споры о целях и ценностях экспертизы и, вероятно, деконструкцию ее языка, благодаря которому и осуществляется этот вид эпистемической несправедливости. То есть изучение экспертизы может привести к пересмотру итогов классической дискуссии о соотношении фактуального, методологического и ценностного измерений науки [Лаудан, 1994]. Несмотря на их связность, радикализм средств, вовлеченных в экспертные конфликты (диссенсусы), происходящие в этих измерениях, последовательно возрастает.

С глубиной этих конфликтов меняется и значимость понимания «минимальной телесности». Для контр-экспертного преодоления замалчивания достаточно приписывания индивиду лишь строго коммуникативных компетенций. Однако в случае, когда эпистемическая несправедливость приобретает форму произвольного свидетельства от чужого лица, с эпистемической дериватизацией другого, телесность начинает играть более значимую роль. Для преодоления этих форм несправедливости необходимо более широкое понимание телесности как наличия живого (биологического) тела, обуславливающего возможность феноменального опыта.

Список литературы

Лаудан, 1994 – *Лаудан Л.* Наука и ценности (главы из книги: Laudan L. *Science and Values*. Berkeley – Los-Angeles – L., 1984) // Современная философия науки. Хрестоматия. М.: Логос, 1994. С. 197–230.

Попова, 2016 – *Попова О.В.* Человек, его цена и ценность: к проблеме коммодификации тела в научном познании // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2016. Т. 49. № 3. С. 140–157.

Столярова, 2018 – *Столярова О.Е.* Третья волна исследований науки как философское обоснование STS // *Логос*. 2018. № 5. С. 31–52.

Collins, 2017 – *Collins H.* Interactional Expertise and Embodiment // Skillful Performance Enacting Capabilities, Knowledge, Competence, and Expertise in Organizations / Ed. by Sandberg J. et. al. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 125–146.

Collins, 2010 – *Collins H.* Tacit and Explicit Knowledge. Chicago: Chicago University Press, 2010. 200 p.

Cusick, 2019 – *Cusick C.M.* Testifying Bodies: Testimonial Injustice as Derivatization // Social Epistemology. 2019. Vol. 33. No. 2. P. 111–123.

Davidson, 1973 – *Davidson D.* Radical Interpretation // *Dialectica*. 1973. No. 27. P. 314–328.

Davidson, 1978 – *Davidson D.* What Metaphors Mean // *Critical Inquiry*. 1978. Vol. 5. No. 1: Special Issue on Metaphor. P. 31–47.

Dreyfus, 1967 – *Dreyfus H.L.* Why Computers Must Have Bodies in Order to Be Intelligent // *The Review of Metaphysics*. 1967. No. 21 (1). P. 13–32.

Eyal, 2019 – *Eyal G.* The Crisis of Expertise. Cambridge: Polity Press, 2019. 208 p.

Fricker, 2009 – *Fricker M.* Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford: Oxford University Press, 2009. 198 p.

Ihde, 2010 – *Ihde D.* Embodied Technics. Copenhagen: Automatic Press/VIP, 2010. 96 p.

Steers-McCrum, 2019 – *Steers-McCrum A.R.* Don't Put Words in My Mouth: Self-appointed Speaking-for Is Testimonial Injustice Without Prejudice // Social Epistemology. 2019. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02691728.2019.1682710?journalCode=tsep20> (дата обращения: 24.02.2020).

Vidal, 2018 – *Vidal F.* Phenomenology of the Locked-In Syndrome: an Overview and Some Suggestions // Neuroethics. 2018. Published online. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12152-018-9388-1> (дата обращения: 20.02.2020)

Williams, 2019 – *Williams L.D.A., Moore S.* Guest Editorial: Conceptualizing Justice and Counter-Expertise // *Science as Culture*. 2019. Iss. 28 (3). P. 251–276.

References

Collins, H. “Interactional Expertise and Embodiment”, in: Sandberg J. et. al. (eds.). *Skillful Performance Enacting Capabilities Knowledge, Competence, and Expertise in Organizations*. Oxford: Oxford University Press, 2017, pp. 125–146.

Collins, H. *Tacit and Explicit Knowledge*. Chicago: Chicago University Press, 2010, 200 pp.

Cusick, C.M. “Testifying Bodies: Testimonial Injustice as Derivatization”, *Social Epistemology*, 2019, vol. 33, no. 2, pp. 111–123.

Davidson, D. “Radical Interpretation”, *Dialectica*, 1973, no. 27, pp. 314–328.

Davidson, D. “What Metaphors Mean”, *Critical Inquiry*, 1978, vol. 5, no. 1: Special Issue on Metaphor, pp. 31–47.

Dreyfus, H.L. “Why Computers Must Have Bodies in Order to Be Intelligent”, *The Review of Metaphysics*, 1967, no. 21 (1). pp. 13–32.

Eyal, G. *The Crisis of Expertise*. Cambridge: Polity Press, 2019, 208 pp.

Fricker, M. *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press, 2009, 198 pp.

Ihde, D. *Embodied Technics*. Copenhagen: Automatic Press/VIP, 2010, 96 pp.

Laudan, L. “Nauka i tsennosti” [Science and Values], in: *Sovremennaya filosofiya nauki: Khrestomatiya* [Modern Philosophy of Science: Anthology]. Moscow: Logos, 1994, pp. 197–230. (In Russian)

Popova, O.V. “Tsena i tsennost’: problema kommodifikatsii tela v nauchnom poznanii” [Human’s Price And Value: The Problem of Body Commodification in the Context of Scientific Knowledge], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, no. 3 (49), pp. 140–157. (In Russian)

Steers-McCrum, A.R. “Don’t Put Words in My Mouth: Self-appointed Speaking-for Is Testimonial Injustice Without Prejudice”, *Social Epistemology*, 2019. [<https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02691728.2019.1682710?journalCode=tsep20>, accessed on 24.02.2020]

Stoliarova, O.E. “Tret’ya volna issledovaniy nauki kak filosofskoe obosnovanie STS” [The Third Wave of Science Studies as a Philosophical Justification of STS], *Logos*, 2018, no. 5, pp. 31–52. (In Russian)

Vidal, F. “Phenomenology of the Locked-In Syndrome: an Overview and Some Suggestions”, *Neuroethics*, 2018. Published online. [<https://link.springer.com/article/10.1007/s12152-018-9388-1>, accessed on 20.02.2020]

Williams, L.D.A. & Moore, S. “Guest Editorial: Conceptualizing Justice and Counter-Expertise”, *Science as Culture*, 2019, iss. 28 (3), pp. 251–276.